

УДК 930.1

**ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ. ОЧЕРК ПЕРВЫЙ. АРХАИЧНЫЙ ВЗГЛЯД
ДИЛЕТАНТА (СМЫСЛ, ЦЕЛЬ И МЕТОД ИСТОРИИ)**

А.В. Винобер
Иркутск, Россия

Несмотря на наличие в истории и философии вечных эсхатологических мотивов, жизнеутверждающий смысл исторического познания должен искать пути, ведущие к осуществлению духовного и разумного в посягательном мире. По мнению автора, цель истории – раскрыть человеку смысл истинно гуманного и человеческого в самом человеке в процессе открытия подлинных глубин всемирной и всякой иной истории человеческих сообществ. Вероятно, что универсального метода исторического познания не существует – есть значительное разнообразие общенаучных гуманитарных приемов и техник, задающих вполне определенный индивидуальный стиль познания каждого отдельного познающего. Автор заключает, что истории нужны иные парадигмы, соответствующие историческим вызовам XXI века

Ключевые слова: философия истории, смысл истории, цель истории, метод истории, исторические исследования, историческое познание

1. Вместо введения.

1.1. «Быть может, ни одна наука не подвергается в такой степени влиянию господствующих философских систем, как история. Влияние это обнаруживается часто против воли самих историков, упорно отстаивающих мнимую самостоятельность своей науки. ... С конца прошедшего столетия философия истории не переставала предъявлять прав своих на независимое от фактической истории значение. Успех не оправдал этих притязаний. Скажем более, философия истории едва ли может быть предметом особенного, отдельного от всеобщей истории изложения. Ей принадлежит по праву глава в феноменологии духа, но, спускаясь в сферу частных явлений, нисходя до их оценки, она уклоняется от настоящего своего призвания, заключающегося в определении общих законов, которым подчинена земная жизнь человечества, и неизбежных целей исторического развития». Тимофей Николаевич Грановский [3].

1.2. «Исторические катастрофы и переломы, которые достигают особенной остроты в известные моменты всемирной истории, всегда располагали к размышлениям в области философии истории, к попыткам

осмыслить исторический процесс, построить ту или иную философию истории. Так бывало всегда в прошлом... Мы живем во времена грандиозного исторического перелома. Началась какая-то новая историческая эпоха... Я думаю, что это острое чувство особенно важно для того, чтобы мысль человеческая и сознание человеческое обратились к пересмотру основных вопросов философии истории, к попыткам построить по-новому философию истории». Николай Александрович Бердяев [1].

1.3. «Историк стремится, подобно психологу, к исследованию личности, к объективной установке в виде понятия корреляции основных психических наклонностей, но и от психолога он глубоко отличается тем, что направляет внимание главным образом на исторически действенные стороны характера. Поэтому с точки зрения чисто психологической желательно произвести заново исследование великих исторических личностей, более полное по сравнению со специально-историческим. Древность не так разграничивала задачи художественно-риторического и научного описания исторической личности» И.И. Лапшин [6].

1.4. «Философия истории определяется тремя основными своими задачами. Во-первых, она исследует первоначала исторического бытия, которые вместе с тем являются и основными началами исторического знания истории как науки. Во-вторых, она рассматривает эти первоначала в единстве бытия и знания, т.е. указывает значение и место исторического в целом мире и в отношении к абсолютному бытию. В-третьих, задача её заключается в познании и изображении конкретного исторического процесса в его целом, в раскрытии смысла этого процесса. Поскольку философия истории ограничивает себя первой задачей, она является теорией истории, т.е. теорией исторического бытия и теорией исторического знания. Поскольку она преследует решение второй задачи, она – философия истории в узком и специальном смысле термина «философия». Наконец, в области определенной третьей задачей, она предстает перед нами, как метафизика истории, причем, конечно, в термине «метафизика» мною не мыслится

отвлечение от конкретной эмпирии, но конкретное познание исторического процесса в свете наивысших метафизических идей» Лев Карсавин [4].

1.5. «Наберитесь же терпения. История пока еще не такова, какой должна быть. Но это не основание валить на ту историю, какая может быть создана, бремя ошибок, присущих лишь истории, дурно понятой» Марк Блок [2].

1.6. «Поскольку изучение истории является не бесполезным времяпровождением, а научным занятием чрезвычайной практической важности, люди стремятся исказить исторические свидетельства и неверно истолковать ход событий. Попытки ввести потомство в заблуждение по поводу произошедшего в действительности и заменить достоверные свидетельства фальшивками часто иницируется теми, кто сам играет активную роль в событиях: попытки предпринимаются в тот самый момент, когда происходит событие, а иногда даже предшествуют ему» Людвиг фон Мизес [7].

1.7. «Между безмерной доисторией и неизмеримостью будущего лежат 5000 лет известной нам истории, ничтожный отрезок необозримого существования человека. Эта история открыта в прошлое и будущее. Её нельзя ограничить ни с той, ни с другой стороны, чтобы обрести тем самым замкнутую картину, полный самодовлеющий её образ» Карл Ясперс [14].

1.8. «Мой взгляд на историю является сам по себе крошечным отрезком истории; при этом в основном истории других людей, а не моей собственной, ибо жизненный труд ученого состоит в том, чтобы добавить свой кувшин воды в великую и все расширяющуюся реку познания, которую питает вода из бесчисленного множества подобных кувшинов. Для того, чтобы мое индивидуальное видение истории было в какой-либо степени поучительным и действительно просвещало, оно должно быть представлено в полном объеме, включая самые его истоки, развитие, влияние социальной среды и личного окружения» Арнольд Тойнби [11].

1.9. «По нашему мнению, в идеале история должна представлять собой систему, точнее, даже набор систем общественных наук, каждая из которых соответствовала бы определенному типу прошлых обществ. Кроме того, история должна заниматься и проблемой перехода одного типа общества к другому, от одной равновесной системы к другой. Но человеческие ресурсы, участвующие в этом предприятии, весьма и весьма ограничены, и поэтому, как нам кажется, по современным меркам система исторических наук еще не вышла из «дотеоретической» стадии, за которой должны следовать специализация и выделение функций сбора информации за рамки собственно науки» И.М. Савельева, А.В. Полетаев [9].

Комментарий дилетанта, автора данного очерка.

1.1.1. Со времени исторической речи Т.Н. Грановского (12 января 1852) минуло без малого 174 года...

Всеобщая история прошла за это время немалый путь. Трудно сейчас сказать, что всеобщая история определила общие законы, которым подчинена жизнь человечества, а также неизбежные цели исторического развития. Когда-то на это претендовал исторический материализм, но оказалось, что его версия также заводит историческую мысль в тупик, как и многие другие философские и методологические концепции. Я могу, конечно, и заблуждаться в своем отражении и понимании исторического. Кто-то скажет: «Вот они цели, вот они – общие законы! Только не каждому дано их разглядеть!». Думаю, что такой взгляд на состояние всеобщей истории – это избыточно идеалистический оптимизм.

Т.Н. Грановский значительное время был под впечатлением философской системы Гегеля. Вероятно, из этого увлечения происходит мысль о влиянии господствующих философских систем «часто против воли самих историков». Философские системы в немалой степени определяли развитие всеобщей истории в XIX в. В веке двадцатом, вместо философских систем начали доминировать идеологические. В какой-то степени осталось и

философское влияние, а также, в определенной степени развивалась методологическая самостоятельность науки истории.

Но я, безусловно, согласен с Т.Н. Грановским в том, что философия истории не может существовать независимо от фактической истории и навязывать последней свои цели, определения и законы.

1.2.1. Русский философ Николай Бердяев во многом прав в отношении своего времени и того грандиозного перелома (1905-1945 гг.). Но я думаю, что в наше время (2020е гг.) происходит еще более грандиозный исторический перелом, связанный с вероятным пределом существования человеческой цивилизации и «быть или не быть» - это сейчас вопрос всего человечества.

Поэтому, пересмотр (но вовсе не отрицание!) основных вопросов в философии истории неизбежен и он происходит в настоящее время. Но видит ли этот процесс пересмотра или переосмысления всех прежних смыслов и целей философии истории интеллектуальная и более того, властная элита человеческой цивилизации? Это для меня большая загадка, переполненная избыточным сомнением.

1.3.1. Идея философа И.И. Лапшина о необходимости новых исследований великих исторических личностей с точки зрения современной психологической науки, на мой взгляд, имеет значительный научный потенциал для современной философии истории и собственно исторической науки. Но может ли это являться генеральной линией для обновления исторического познания? Или это только дополнительная линия, с целью популяризации науки истории в современном сетевом обществе, устремленном в искусственный интеллект?

1.4.1. Три основных задачи философии истории, сформулированные русским философом Л.В. Карсавиным в выше представленном фрагменте (1.4.) остаются актуальными и в настоящий момент исторического развития и исторического познания. Но я бы признал, что более актуальной на сегодняшний день является задача становления метафизики истории как

квинтэссенции наивысших идей человеческого бытия и смысла существования земного человечества в масштабе Универсума.

1.5.1. Марк Блок, замечательный французский историк, по-своему был прав. Но для нашего времени такой призыв – набраться терпения, чтобы ждать пока история станет такой какой должна быть – уже практически не остается времени. Она должна стать таковой в считанные годы. Должен быть «Большой взрыв исторического самосознания» всей истории человеческой цивилизации и всех перспектив и опасностей ближайшего цивилизационного развития. Иначе будет просто поздно.

1.6.1. Мысль об «искажении исторических свидетельств и попыток ввести потомство в заблуждение», высказанная Людвигом фон Мизесом в середине прошлого столетия, необычайно актуальна для нашего переходного времени, ибо искажение и фальсификация истории – это ложный путь, тупик развития цивилизации и губительный самообман интеллектуальных и правящих элит ведущих стран мира.

1.7.1. Образ истории, сформулированный Карлом Ясперсом, говорит нам о том, что современная история открыта в антропологию и археологию, но не в меньшей степени должна быть открыта в футурологию и космологию. Как и невозможна без психологии, социологии, экономики. Более того, возможно, что именно философия истории может быть одним из эпицентров всеобщей науки о человеке и человечестве.

1.8.1. В определенной степени, подражая Арнольду Тойнби, хочу сказать, что мой взгляд на историю, на философию истории и её глубоко метафизический экзистенциальный смысл – это только мое субъективное и индивидуальное видение, которое отталкивается от истории многих других людей, посвятивших свою жизнь более глубокому историческому познанию и осмыслению исторического бытия земного человечества.

Поэтому, мне не избежать полностью личностных предпочтений, ценностей и интересов, которые, на мой взгляд, далеко не идеальны. Но я опираюсь на труды многих поколений историков и философов, как «карлик

на плечах гигантов», и надеюсь влить свой кувшин воды в великую реку исторического познания.

1.9.1. Я не разделяю в данном случае (1.9.) мысль историков И.М. Савельевой и А.В. Полетаева. На мой взгляд, система исторических наук давно вышла из «дотеоретической» стадии, и её перспектива не в дальнейшей специализации и выделении функции сбора информации (непонятно, за какие рамки собственно науки). Система исторических наук давно уже созрела для нового, более качественного аналитико-синтетического этапа своего развития. И для неё крайне важно сейчас иметь «всепроникающую и мудрую» подсистему философии истории, которая где-то рядом, но мы не можем поверить в её существование, и поэтому не можем её открыть для себя и для своего человеческого Универсума.

2. Смысл истории.

2.1. Смысл, назначение и оправдание истории – давние вопросы. Кто-то их относит к творчеству Георга Гегеля, которого в советской философии истории числили едва ли не основателем философского подхода к истории. Кто-то считает таковым Августина Аврелия.

Вполне вероятно найти истоки смысла и назначения истории у Сыма Цяня, у Геродота и Фукидида, или у безымянных историков Древнего Шумера. В любом случае, на мой субъективный взгляд, трудно не согласиться со следующей оценкой русского философа Н.А. Бердяева: «Человек есть в высшей степени историческое существо. Человек находится в историческом, и историческое находится в человеке. Между человеком и «историческим» существует такое глубокое, такое таинственное в своей первооснове сращение, такая конкретная взаимность, что разрыв их невозможен. ... Для того, чтобы проникнуть в эту тайну «исторического», я должен прежде всего постигнуть это историческое и историю как до глубины моё, как до глубины мою историю, как до глубины мою судьбу... Все исторические эпохи, начиная с самых первоначальных эпох и кончая

самой вершиной истории, эпохой нынешней, - все есть моя историческая судьба, все есть мое» [1].

2.2. Вершина классической философии истории (так принято считать в современном научно-философском сообществе) – это гегелевские представления об историческом процессе, как процессе имеющем разумный смысл, происходящем за спиной индивидуумов, но совершающимся в духовной сфере. У истории свои собственные цели, которые игнорируют частные интересы. Говоря проще: абсолютный дух, реализуя свою идею, наделяет историю своим собственным разумом.

Во второй половине XX века и в первой четверти XXI века в научных и философских кругах, интересующихся проблемами исторического, широко распространено заблуждение по поводу того, будто современная историческая наука накопила столь обильный фактографический материал, что его невозможно уже интерпретировать в некой единой модели исторического процесса, и что история, вообще, есть процесс, неподдающийся разумному объяснению. Безусловно, в истории мировой или всеобщей, немало фактов и событий, трудно поддающихся рациональному и разумного объяснению, но это не повод для отрицания потенциала современного исторического познания и утверждения в исторической науке и философии истории своеобразного шпенглеровского пессимизма. Футурология не отменяет истории – она живет на историческом субстрате и на нем разворачивает свои прогностические модели. Несмотря на наличие в истории и философии вечных эсхатологических мотивов, жизнеутверждающий смысл исторического познания должен искать пути, ведущие к осуществлению духовного и разумного в посюстороннем мире.

2.3. Как отмечает М.А. Киссель [5]: «Соединение качеств историка и философа в одном лице – довольно редкий случай... Все наиболее крупные представители гносеологии и онтологии исторической науки были специалистами в области истории культуры и не было ни одного представителя общей, не говоря уже о социально-экономической истории.

Этим и объясняется тенденция историзма к отождествлению исторического процесса с «историей мысли» [5].

Данное утверждение мне видится спорным и субъективным, но весьма перспективным для отдельного глубокого исследования. В качестве подтверждения собственного мнения, приведу два примера из философии истории XX века. Людвиг фон Мизес, основатель неоавстрийской школы в экономической науке, создавший замечательный философско-исторический трактат (в моем субъективном понимании) «Теория и история» - в области теории познания и методологии исторической науки и Карл Ясперс – по образованию врач и крупнейший психопатолог, написавший одну из лучших философско-исторических книг прошлого века (точнее, сборник из трех книг) под названием «Смысл и назначение истории». Ни тот, ни другой не были специалистами в области истории культуры, но тот и другой – обладали универсальным мировоззрением подлинных мыслителей XX века.

Продолжая свою мысль, приведу несколько фрагментов из выше названных авторов.

2.3.1. Как замечает Карл Ясперс: «Каждый, кто обращается к истории, невольно приходит к этим универсальным воззрениям, превращающим историю в некое единство. Эти воззрения могут быть некритичными, более того, неосознанными и поэтому непроверенными. В историческом мышлении они обычно являются само собой разумеющимися предпосылками. Так в XIX в. мировой историей считалось только то, что после предварительных стадий – Египта и Месопотамии – произошло в Греции и Палестине и привело к нашему времени; все прочее относили к этнографии и выносили за рамки подлинной истории. Всемирная история была историей Запада (Ранке). ... Ось мировой истории следует отнести, по-видимому, ко времени около 500 лет до н.э., к тому духовному процессу, который шел между 800 и 200 гг. до н.э. Тогда произошел самый резкий поворот в истории. Появился человек такого типа, какой сохранился и по сей день. Это время мы вкратце будем называть осевым временем. ... Осевое время, принятое за отправную точку,

определяет вопросы и масштабы, прилагаемые ко всему предшествующему и последующему развитию ...Осевое время ассимилирует все остальное. Если отправляться от него, то мировая история обретает структуру и единство, способные сохраниться во времени, и, во всяком случае, сохранившееся до сего дня» [14].

Мое субъективное мнение по поводу парадигмы осевого времени: скорее, осевое время, это конструкт именно западной (европейской) истории. И если взглянуть на мировой исторический процесс с точки зрения китайского или перуанского историка, то парадигма осевого времени увидится очередной экспансией западно-европейского мировоззрения. Тем не менее, парадигма осевого времени весьма удачно вписывается в мировую историю в качестве удобной модели и «точки привязки» всех иных локальных, континентальных и этнических историй.

2.3.2. Как считает Людвиг фон Мизес: «История дел человеческих должна изучать ценностные суждения, побуждающие людей действовать и направляющие их поведение. ... Подлинная история человечества суть история идей. Именно идеи отличают человека от других существ. Идеи порождают общественные институты, политические изменения, технологические методы производства, и все, что называется экономическими условиями. ... Идеи – конечная данность исторического исследования» [7].

В определенной степени я готов согласиться с доминирующей ролью идей в истории. Но в такой же степени я соглашаюсь и с ролью личностей в истории. Тем не менее, я считаю, что невозможно весь смысл истории свести ни к роли идей, ни к роли личностей. И то, и другое имеет важное значение и нередко – определяющее для понимания смысла исторических событий и исторического процесса в целом. Но есть еще глобальное и локальное человеческое взаимодействие между народами, цивилизациям и отдельными персонами. Есть влияние космоса и совокупность земных природных условий и процессов, и есть еще мало изученная эволюция отдельного

человека, социальных групп и всего человеческого сообщества. Есть феномен человеческой культуры и этико-психологического самосознания. Все это в совокупности наполняет и определяет смысл истории и всех наших усилий по историческому исследованию и осмыслению.

2.4. Завершая настоящую небольшую главу о смысле истории и смысле её философского понимания, я обращаюсь к наследию одного из выдающихся философов истории XX века. Как утверждал А. Тойнби: «Для души весь смысл существования заключается в истории» [11].

Впрочем, об этом же говорил еще ранее замечательный и неподражаемый русский философ Николай Бердяев: «Человек есть в высочайшей степени историческое существо. Человек находится в историческом, и историческое находится в человеке. Между человеком и «историческим» существует такое глубокое, такое таинственное в своей первооснове сращение, такая конкретная взаимность, что разрыв их невозможен. Нельзя выделить человека, нельзя взять его абстрактно, и нельзя выделить историю из человека, нельзя историю рассматривать вне человека и непочеловечески. И нельзя рассматривать человека вне глубочайшей духовной реальности истории» [1].

3. Цель истории.

3.1. В одной из наиболее известных концепций, объясняющих цель истории, философ Георг Гегель утверждал, что история свершается как необходимое движение за спиной индивидуумов: энергия сталкивающихся между собой частных интересов используется историей для достижения своих собственных высших целей; разум истории, скрытый за внешним хаосом и неразумием, открывается лишь философскому взгляду [13].

3.2. Известный русский историк Ф.И. Успенский определял цель истории более приземленно и прагматично: «Мы ждем от истории разъяснения законов развития человеческого общества, ответа на вопрос о том, как зарождаются в человечестве новые понятия, идеи и учреждения, отчего крепнут и слабеют народы» [12].

3.3. Русский философ Николай Бердяев видел цель истории в том, что «человек приобщается к бесконечно более богатой действительности, он побеждает этим брэнность и малость свою, преодолевает свой бедный и суженный кругозор; и в том, что «основная идея, к которой приходит метафизика истории и которая вместе с тем является и предпосылкой метафизики истории, есть идея неизбежности конца истории» [1].

3.4. Арнольд Тойнби, выдающийся британский историк и мыслитель, обнаруживал цель истории в особом её религиозном смысле для конкретной личности: «Почему люди изучают историю? Ради чего – если адресовать вопрос конкретному человеку – автор этой книги писал её тридцать лет? Рождаются ли люди историками или становятся ими? Каждый дает собственный ответ на этот вопрос, ибо каждый опирается на свой личный опыт. Автор данного труда, например, пришел к заключению, что историк, как и все, кому посчастливилось обрести цель жизни, идет к этой цели, доверяясь зову Господа чувствовать и находить вслед за Ним» [10].

3.5. Автор настоящего очерка объясняет себе цель истории более прозаично: цель истории – раскрыть человеку смысл истинно гуманного и человеческого в самом человеке в процессе открытия подлинных глубин всемирной и всякой иной истории человеческих сообществ.

4. Метод истории.

4.1. Метод истории есть способ её постижения, т.е., совокупность приемов, составляющих систему исторического познания. Вероятно, что универсального метода исторического познания не существует – есть значительное разнообразие общенаучных гуманитарных приемов и техник, задающих вполне определенный индивидуальный стиль познания каждого отдельного познающего. Метод следует за целью и постулирует цель исследования. Степень и качество оригинальности или примитивности метода происходит от совокупности факторов, формирующих личность познающего, и всегда имеет определенное сочетание сугубо индивидуального, личностного и типического, общепринятого в

историческом исследовании: навыки, умения, рефлексия, глубина проникновения в содержание исторического, исследовательский талант, воля, уровень самоорганизации.

4.2. Как отмечает Марк Блок: «Какими бы разнообразными познаниями мы не стремились наделить наиболее вооруженных исследователей, они всегда – и, как правило, очень скоро доходят до определенного предела. И тут уже нет иного выхода, кроме как заменить многообразную эрудицию одного человека совокупностью технических приемов, применяемых разными учеными, но направленных на освещение одной темы. Этот метод предполагает готовность к коллективному труду. Он также требует предварительного определения, по общему уговору, нескольких крупных ведущих проблем. До такого отрадного положения нам еще очень далеко. Но будем верить, что оно наступит, и в значительной мере станет определяющим для будущего нашей науки» [2].

4.3. В выше обозначенном фрагменте (4.2.) М.Блок говорит не собственно о методе исторического исследования. Он говорит об ограниченности индивидуального исследователя и о наличии тенденции к организации коллектива исследователей и о наличии тенденции к организации коллектива исследователей-историков. О тенденции, в основном проявившейся в XX веке в виде создания специализированных научных учреждений (институтов, лабораторий) и на формирование коллективов историков, добывающих новое историческое знание путем коллективного исследования посредством дифференциации и специализации. Вероятно, в смысле эффективности научного познания эта форма (этот организационный метод) вполне превосходит результаты одиночного, индивидуального исследователя за счет коллективных «мозговых штурмов» и синергетического эффекта объединенных способностей познания. Но на мой субъективный взгляд, глубина и качество исторического познания всегда имеют сугубо индивидуальное личностное происхождение. Коллективное исследование чаще всего порождает конгломерат из совокупности добытых

фактов и знаний, не имеющий единого целостного образа исторического видения. Катарсис в постижении исторического – это эффект индивидуального творческого погружения в «плоть» исторического, а вовсе не коллективный продукт, тяготеющий к унификации «добытого» знания.

4.4. Когда Марк Блок рассуждает о логике критического метода, он обращает внимание на то, что «критика свидетельства, занимающаяся психическими явлениями, всегда будет тонким искусством. Для нее нет готовых рецептов. Но все же это искусство рациональное, основанное на методичном проведении нескольких важнейших умственных операций. Короче, у него есть своя собственная диалектика, которую следует попытаться определить» [2].

Но если это определение происходит в коллективе историков-исследователей – как избежать фактора «личностного знания» [8], обуславливающее различие индивидуальных ценностей и предпочтений?

И сам же поклонник коллективного метода исторического исследования приходит к противоречивому заключению: «Остается вопрос, как делать выбор между свидетельством отвергаемым и тем, которое как будто должно быть принято. Здесь решает психологический анализ: мы взвешиваем возможные мотивы правдивости, лживости или заблуждения свидетелей. В данном случае эта оценка приводит к почти бесспорным выводам. Но при других обстоятельствах она иногда осложняется гораздо более высоким коэффициентом неуверенности. Выводы, основанные на тщательнейшем взвешивании мотивов, располагаются на большой шкале от почти невозможного до совершенно правдоподобного» [2].

И скажите, дорогой читатель, как в такой ситуации может быть принято убедительное и достоверное коллективное суждение, если даже для одного исследователя существует такая большая и неоднозначная шкала вариантов? В коллективном случае это будет суждение, похожее на «среднюю температуру по больнице» или суждение, где будет доминировать

мнение наиболее авторитетного члена коллектива историков, либо суждения наиболее «амбициозного и нахрапистого» члена этого же коллектива.

4.5. Как давно отмечал Людвиг фон Мизес: «Нет историка, полностью свободного от субъективных оценок. Но подобные суждения всегда второстепенны относительно подлинных задач истории. Высказывая их, автор говорит как индивид, судящий с точки зрения своих личных оценок, а не как историк» [7].

В отличие от Л.фон Мизеса, я считаю, что личное и историческое сливаются в авторе в единый синтез, в котором весьма сложно различить подлинно историческое и второстепенное субъективное.

Иной раз, глубинно субъективное дает больший эффект познания исторического, чем формально-объективное подлинно историческое. Прежде всего потому, что именно в субъективном находится глубинная интуиция исторического, которая может превосходить формальную объективность проникновением в сложнейшую живую плоть ушедших эпох, событий и судеб.

4.6. В данном случае (4.5) моя позиция близка к пониманию метода истории русским историком Л.П. Карсавиным: «Предмет истории всегда социально-психическое; и только на основе психического возможен исторический синтез» [4].

4.7. В значительной степени я также разделяю понимание Карсавиным социально-психического в истории и в методе познания исторического: «История изучает социально-психическое. И в сосредоточии на нем дана ей единственная возможность познавать непрерывное развитие человечества. Забывая об этой главной своей задаче и останавливаясь на предварительных работах: на собирании материала и констатировании внешних соотношений, историк перестает быть историком. Он опускается на уровень ученого, описывающего внешний мир, и начинает горделиво защищать свою «научность» указанием на несомненную, математически-точную достоверность выводов археологии, палеогеографии, эпиграфики и т.п. Он

только упорно не замечает ценного в своем искании и тщетно пытается найти естественно – научное там, где его нет и не должно быть» [4].

4.8. Бесконечные рассуждения о методе истории или методах исторического исследования можно резюмировать (на данном этапе) фрагментом из высказывания А.Тойнби по поводу любви к историческим фактам: «Факты для историка – это запас сырья, и он должен добывать его в таких количествах, что сам процесс вызвал бы у него отвращение, не любил он эту работу. Я люблю факты истории, но не ради их самих. Я люблю их как ключики к чему-то, что лежит за их пределами, - как ключи к природе и значению таинственного мира, в котором каждый человек пробуждается к самосознанию... Конечная цель всякой любознательности – это постижение духовной реальности, скрывающейся за явлениями» [11].

5. Заключительные замечания.

5.1. Краеугольным камнем исторического познания, если отталкиваться от мнений таких философов истории как Н.Бердяев и А.Тойнби, является сам познающий субъект. Очень емко выразил эту мысль К.Ясперс: «Каждый видит то, что заключено в его душе» [14].

5.2. Если образно перефразировать этот афоризм Ясперса, с точки зрения герменевтики и психологии, то главную роль в душе познающего историю играет своеобразная ментально-историческая интуиция, являющаяся философским интегратором исторических реконструкций.

5.3. Утверждение о том, что «накопленный современной исторической наукой конкретный материал стал столь обширен и разнороден, что его уже невозможно вписать в некую единую модель исторического процесса» [13] можно сравнить с метафорой «из-за деревьев невозможно увидеть леса». Потенциально существуют варианты различных моделей, способных репрезентировать единство исторического процесса. На мой взгляд, отсутствует определенная степень «окаянства» или «герменевтической дерзости», препятствующих созданию такого рода «единых моделей исторического процесса».

5.4. Философия необходима любой парадигме исторического познания и никакие опыты футурологов и макросоциологов не могут заменить в историческом познании философскую аксиологию и герменевтику. Бегство историков от философии – это синдром подражания естественным наукам. Но история никогда не станет физикой и вряд ли построит свой «исторический коллаيدر» для проникновения в любую ткань исторического.

5.5. Жить идеями и построениями Гегеля в современную эпоху – это анахронизм и идолопоклонство традициям XIX века. Истории нужны иные парадигмы, соответствующие историческим вызовам XXI века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н.А. Смысл истории. - Москва: Мысль, 1990. — 175 с.
2. Блок М. Апология истории или ремесло историка. Изд. 2-е, доп. Пер. с фр. – М.: Наука, 1986. – 256 с.
3. Каменский З.А. Тимофей Николаевич Грановский. – М.: Мысль. 1988. 189 с.
4. Карсавин Л.П. Философия истории. – СПб.: АО Комплект. 1993. – 351 с.
5. Киссель М.А. Философия истории // Современная западная философия: Словарь / Сост. Малахов В.С., Филатов В.П. – М.: Политиздат, 1991. 329-331.
6. Лапшин И.И. Философия изобретения и изобретение в философии - Введение в историю философии. – М.: Республика. 1999. 399 с.
7. Мизес Л. Теория и история. Интерпретация социально-экономической эволюции. Пер. с англ. под ред. проф. А.Г. Грязновой. — М., ЮНИТИ-ДАНА, 2001. — 295 с
8. Полани М. Личностное знание. Пер. с англ. — Под ред. В. А. Лекторского и В. И. Аршинова. – М.: Прогресс, 1985. – 343 с.
9. Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время. В поисках утраченного. – М.: Языки русской культуры. 1997. 800 с.
10. Тойнби А. Постижение истории : Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1991. – 736 с.
11. Тойнби А. Цивилизация перед судом истории : Пер. с англ. – М.Прогресс, 1995. – 478 с.
12. Успенский Ф.И. История Византийской империи / Сост. Т.В. Мальчикова. – М.: Мысль, 1996. – 827 с.
13. Фурс В.Н. Философия истории // Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. – Мн.: Изд. В.М. Скакун, 1998. С. 764-765.

14. Ясперс К. Смысл и назначение истории. 2- изд. Пер. с нем. – М.: Республика, 1994. – 527 с.

**PHILOSOPHY OF HISTORY. THE FIRST ESSAY. THE ARCHAIC
LAYMAN'S VIEW (MEANING, PURPOSE, AND METHOD OF HISTORY)**

*A.V. Vinober
Irkutsk, Russia*

Despite the presence of eternal eschatological motives in history and philosophy, the life-affirming meaning of historical knowledge must seek ways leading to the realization of the spiritual and reasonable in the modern world. According to the author, the purpose of history is to reveal to man the meaning of what is truly humane and human in man himself in the process of discovering the true depths of the world and any other history of human communities. It is likely that there is no universal method of historical cognition – there is a significant variety of general scientific humanitarian techniques and techniques that set a well-defined individual style of cognition for each individual cognizer. The author concludes that history needs other paradigms that correspond to the historical challenges of the 21st century.

Keywords: philosophy of history, meaning of history, purpose of history, method of history, historical research, historical cognition

Поступила в редакцию 25 декабря 2025